

БИО
ГРАФИЯ

A portrait of Oleg Mikhailov Derzhavin, an elderly man with white hair, wearing a red coat and a black collar with gold embroidery. He is adorned with several medals and orders, including the Order of St. Anna and the Order of St. Vladimir. The background is a dark, mottled green.

Олег Михайлов

Державин

ФТМ

Олег Николаевич Михайлов

Державин

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24186425
Державин: ФТМ; Москва; 2017
ISBN 978-5-4467-3053-7

Аннотация

«Державин, бич вельмож, при звуке грозной лиры их горделивые разоблачал кумиры», – эти слова Пушкина об одном из самых ярких и значительных русских писателей и поэтов XVIII века о Гавриле Романовиче Державине (1743–1816). Его честности и прямоте, открытом и гордом характере и непростой судьбе человека, прошедшего путь от солдата до министра, посвящён историко-биографический роман прозаика и литературоведа Олега Михайлова (1932–2013) «Державин». Книга входит в золотую серию «Жизнь замечательных людей», основанную М. Горьким.

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Глава первая | 10 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 58 |

Олег Михайлов

Державин

Романтизированное описание исторических происшествий и подлинных событий, заключающих в себе жизнь Гаврилы Романович Державина

Краткая литературная энциклопедия.

Изд. «Советская энциклопедия», М., 1964, т. 2

ДЕРЖАВИН, Гаврила Романович (3(14). VII. 1743 г., д. Кармачи или д. Сокура Казанской губернии, – 8(20). VII. 1816 г., с. Званка Новгородской губернии, похоронен в Петербурге) – русский поэт. Родился в небогатой дворянской семье, учился в Казанской гимназии (1759–1762). В личной судьбе Державина отразились характерные черты периода абсолютизма в царствование Екатерины II. Резкие взлёты и падения, сопровождавшие служебную карьеру Державина, осложнялись особенностями его натуры: энергией и пылкостью, независимостью и прямоотой, чувством собственного достоинства. С 1762 г. Державин служил солдатом в гвардейском Преображенском полку, участвовавшем в дворцовом перевороте, приведшем Екатерину II на престол. Произведённый спустя 10 лет в офицеры, Державин вскоре участвовал в подавлении пугачёвского восстания. Обой-

дённый наградами, перешёл на гражданскую службу. Недолго служил в Сенате, где пришёл к убеждению, что «нельзя там ему ужиться, где не любят правды». После сочинения «Оды к Фелице» (1782), обращённой к императрице, был обласкан и награждён Екатериной II. Назначенный губернатором олонецким (с 1784) и тамбовским (1785–1788), Державин пытался бороться с «крючкотворством», отстаивать справедливость; много сделал для просвещения тамбовского края. Нежелание «ладить» с высшими вельможами заканчивалось смещением с должностей. В качестве кабинет-секретаря Екатерины II (1791–1793) Державин не сумел угодить императрице, был отставлен от службы при ней; назначенный сенатором, в резких формах выражал своё «правдолюбие» и нажил много врагов. В 1802–1803 гг. был министром юстиции. С 1803 г. находился в отставке.

Начал печататься в 1773 г. (в сб. «Старина и новизна»). В ранний период (до 1779) пытался следовать традициям как М. В. Ломоносова («Оды, переведённые и сочинённые при горе Читалагае 1774 г.» и др.), так и А. П. Сумарокова (интимная лирика). Позднее в автобиографической записке 1805 г. Державин писал о себе: «Он в выражении и стиле старался подражать г. Ломоносову, но хотел парить, не мог выдерживать постоянно красивым набором слов, свойственного единственно российскому Пиндару великолепия и пышности. А для того, с 1779 г. избрал он совсем другой путь». Во второй период творчества (1779–1791) Державин

создал свой стиль, нашедший наиболее яркое выражение в стихотворениях «Ода на смерть князя Мещёрского» (1779), «Ода к Фелице» (1782, опубл. 1783), «Бог» (1784), «Осень во время осады Очакова» (1788, опубл. 1798), «Видение Мурзы» (1789, опубл. 1791), «Водопад» (1791–1794, опубл. 1798) и др. Первая «Ода к Фелице», утвердившая поэтич. славу Державина, вызвала восторженные отзывы многих современников и одновременно резкие нападки литературных консерваторов. В ней, как и в других одах Державина, блестяще отразились некоторые важные черты, характеризующие царствование Екатерины II: рост русской государственности, героика военных побед, национальный патриотизм и власть произвола, фаворитизм, развращённость вельмож, процветание лести и ханжества. Основной жанр этого периода – торжественная ода; наряду с прославлением монарха, полководцев, она включала изображение недостойных вельмож, нравов придворного общества, а также интимно-лирические мотивы. Поэтическое новаторство Державина проявилось в разрушении чистоты классицистического жанра: он соединил элементы оды и сатиры в одном стихотворении. В оде появился образ и самого поэта – живой, с индивидуализированными переживаниями («Сегодня властвую собою: А завтра прихотям я раб»). Державин гневно осуждал общественные пороки, обличая даже высокопоставленных лиц («Властителям и судиям», 1780–1787, «Вельможа», 1774–1794, опубл. 1798 г.). Пушкин в «Послании цензору» так ха-

рактизовал его поэзию: «Державин, бич вельмож, при звуке грозной лиры, их горделивые разоблачал кумиры» (Поли. собр. соч., т. 2. 1956, с. 124). В философской лирике Державина возникала и трагическая антитеза жизни и смерти («Где стол был яств, там гроб стоит» – в «Оде на смерть князя Мещёрского»), и острое восприятие величия и одновременно ничтожности человека («Я царь – я раб; я червь – я Бог» – в оде «Бог»), и ощущение неустойчивости человеческих судеб («Водопад»). Державин пытался разрешить эти противоречия, обращаясь к религии (ода «Бог» и др.), однако темы религиозного сомнения и «успокоенного неверия» проходят через все его творчество.

В третий период (90-е гг.) у Державина преобладает анакреонтическая лирика. В стихотворении «Философы пьяный и трезвый» (1789, опубл. 1792), «Храповицкому» (1793, опубл. 1808), «К лире» (1794, опубл. 1798), «Похвала сельской жизни» (1798, опубл. 1808) Державин декларирует отказ от торжественной оды и обращение к интимной лирике, тем самым полемизируя с принципами героической поэзии, провозглашёнными Ломоносовым. Эстетические воззрения Державина выражены им в трактате «Рассуждение о лирической поэзии или об оде» (1811–1815). Прославление сельской жизни, интимных радостей, мудрой умеренности выражало вместе с тем порицание придворной жизни, праздной роскоши. С нач. XIX в. творчество Державина клонится к упадку, хотя и в эти годы он создаёт порой велико-

лепные произведения («Снегирь», 1800, опубл. 1805, «Евгению. Жизнь званская», 1807, и др.). Державин стремился разрешить характерную для классицизма коллизию «долга» и «страсти» на основе компромисса, выражением которого был принцип «золотой середины». В основе гедонистической проповеди «мудрого» «наслажденья всем тем, природа что даёт» («Аристиппова баня», 1811, опубл. 1812) лежало стихийно-материалистическое восприятие мира. В последние годы жизни Державин обратился и к драматургии. Начиная с 1804 г. он написал ряд трагедий и др. пьес («Добрыня», «Пожарский», «Ирод и Мариамна», «Евпраксия» и др.). С 80-х гг. XVIII в. Державин возглавлял литературный кружок, в который входили его друзья-писатели Н. А. Львов, В. В. Капнист, И. И. Хемницер, поддерживавшие поэта и одновременно влиявшие на него. Их объединяли идеи умеренного дворянского просветительства, а в литературных взглядах – освобождение от риторики классицизма, стремление к поэтической естественности и простоте. С 1811 г. Державин состоял в литературном об-ве «Беседа любителей русского слова». Здесь он своим авторитетом подкреплял литературных «староверов» и консерваторов, но в то же время благожелательно относился к В. А. Жуковскому и «заметил» юного Пушкина. Для художественного метода Державина характерны конкретность изображения, обилие подчёркнуто личных биографических мотивов» пластика образов и в то же время типичная для классицизма дидактика и аллегоризм.

Поэтический словарь Державина богат определениями, передающими оттенки цвета, насыщен звукописью. Соединение в пределах одного произведения тематики оды и сатиры привело к сочетанию «высокого» и «низкого» «штиля». Державин внёс элементы живой разговорной речи в поэтический язык. Его творчество подготовило почву для поэзии К. Н. Батюшкова, Пушкина, поэтов-декабристов.

Начало изданию и комментированию державинских текстов было положено самим Державиным, который выпустил свои сочинения в 5 чч., снабдив их иллюстрациями и объяснениями (1808–1816, СПб). Самое полное издание текстов Державина (в 9 тт.), включавшее кроме художественных произведений «Записки», «Рассуждение об оде», письма, деловые бумаги и т. п., а также биографию поэта и комментарии, было подготовлено Я. К. Гротом.

Глава первая

Картёж

*Позволю я тебе и в карты поиграть,
Когда ты в те игры умеешь подбирать:
И видь игру без хитрости ты жерству,
Не принеси другим себя, играя, в жерству
А этого, мой сын, не позабудь:
Играя, честен ты в игре вовек не будь!*

А. Сумароков. Наставление сыну

1

О, бедность, проклятая бедность!.. Когда ни семитки в кошельке и надеяться не на кого – ни боярина близкого, ни благодетеля какого нет. И вот сидит он, запершись в светёлке, на хлебе и на воде, по несколько суток марает стихи, – при слабом свете полушечной сальной свечки или при сиянии солнечном сквозь щели затворенных ставен. Перекладывает с немецкого вирши Фридриха Великого¹ и сочиняет шутки

¹ *Фридрих Великий.* – Здесь имеется в виду Фридрих II (1712–1786), прусский король из династии Гогенцоллернов, крупный полководец, дипломат. Помимо прочего, был неплохим музыкантом, даже сочинял музыку; занимался историей, философией, поэзией. Его стихи переводили многие поэты XVIII в.

всякие, хоть и на душе кошки скребут...

Ах, маменька, маменька, ненаглядная Фёкла Андреевна! Ежели бы ведала ты, что понаделал-понатворил сынок твой, сержант лейб-гвардии Преображенского полка Гаврило, сын Романов Державин! И наследственное именьеце, и купленную у господ Таптыковых небольшую деревенишку душ в тридцать – всё как есть заложил, а деньги до трынки просадил в фараон! Да ещё неизвестно, не разжалуют ли его в Санкт-Петербурхе в армейские солдаты за то, что он в сей распутной жизни, будучи послан с командой в Москву, полгода уже просрочил...

Державин отбросил в отчаянии гусиное перо, отодвинул табурет. Заколебалось пламя огарка, тень заметалась по стенам убогой горницы.

Что делать – надоумь, господь вседержитель! Завели его троюродный братец Блудов с господином подпоручиком Максимовым сперва в маленькую, а потом и в большую карточную игру. Откуда помощи ждать, кто будет спасителем погибающего мотарыги?..

Внизу хлопнула дверь: небось Стеша, дочь в соседстве живущего приходского дьякона. Хаживает тайком от родителей к Максиму, простодушна, нежна. Хаживает-то к Максиму, да поглядывает на Державина. Видать, приглянулся ей рослый гвардеец.

Державин снова прислушался.

Шум отодвигаемых столов, перебранка негромкая. Ба! Не

иначе как Максимов с Блудовым новичка какого завели в фаро играть и обакулить – деньги из мошны вытряхнуть. Хитрость небольшая. Один садится банк метать, другой сказывается его противником. Бели нужно, скажет «атанде»². Если товарищ-банкомёт забыл число промётанных абцугов³, ловко напомнит ему об этом. А то ещё и колоду подменит: у Максимова их во множестве...

Или самому спуститься попытать счастья?

Он вспомнил, как с отчаяния ездил день и ночь по трактирам искать игры, как спознакомился с игроками, вернее, с прикрытыми благопристойными поступками и одеждою разбойниками, как научился у них подборам карт, подделкам и всяким игроцким мошенничествам. Благодарение богу! Совесть или, лучше сказать, молитва матери никогда его до того не допускала, чтоб предался он в наглое воровство и коварное предательство кого-либо из приятелей, как другие делали. Нет, никуда он не пойдёт: играй, братец, да не отыгрывайся!..

Державин снова взялся за перо, неровные строки запрыгали по листу бумаги. Но тут же он перечеркнул написанное. Не то, не то. Обезжиленными выходили у него в перекладке стихи прусского короля.

Немецкий язык – единственный из иностранных, кото-

² Атанде – обрусевшее выражение от французского attendre (ожидать) означает: «Воздержитесь. Не делайте ставки!»

³ Сдача карт – от der Abzug (нем.) – отход, скидка.

рый спознал Державин в бедной своей юности. Он перенёсся мыслью в далёкие дни детства, вспомнил своего батюшку – премьер-майора Пензенского пехотного полка, пыльный Оренбург и свирепого учителя из каторжников пономаря Иосифа Роза, палкою наставлявшего несчастных своих цёглингов⁴ тверждению вокаболов и списыванию оных. Вдруг стук в дверь, сильный и грубый, вывел его из забытья.

В горницу вкатился низенький офицер в расстёгнутом зелёном мундире и без парика – глазки маленькие, хитрые, губы вывернутые и нос лапоточком. Подпоручик Сергей Максимов собственной персоной.

– Братец, душа моя, Гаврило, всё пишешь? Великие мы с тобою дураки: у нас денег нет! – забормотал он. – Напиши, голубчик, стихи на Яковлева Димитрия, что внизу сидит. У того денег много. Какой умница он! А у кого денег нет – великий дурак! Ежели бы я имел их довольно, какой бы умница, достойный похвалы и добродетельный был человек! Всем и на тебя ссылаюсь, что я, право, ведь добрый человек, да карман мой – великий плут, мошенник и бездельник. Да и признаться, душенька, должен, что это правда. Чёрт знает, откуда зараза в людей вошла, что все уже нынче и в гошпиталях валяются, одержимые не болезнию, а только деньгами, деньгами, деньгами! Богатому, хотя и глупу, всяк даёт место... Пойдём же, братец: богатый олух припожаловал!

– Что зря меня юрить, – отмахнулся Державин. – Хватит.

⁴ Der Zögling (нем.) – воспитанник.

Было ремесло, да хмелем поросло...

– Не играй, не играй! – согласился тотчас же Максимов. – Посиди только, душа моя, с нами, да погляди, как богат пришёл в пир, а убог уйдёт в мир...

Молча надел Державин потёртый мундир с тремя сержантскими позументами на рукаве, молча спустился вслед за Максимовым в нижнюю горницу.

Знакомая по московскому житью картина. Пухнет и срывается банк. Щекастый Блудов в капитанском мундире наопашку, знай подгребает к себе кучки серебра от юноши, который то бледнеет на глазах, подобно мертвецу, восставшему из гроба, то алеет, уподобляясь необычайным румянцем своим ягоде клюкве.

Завидя Державина, Блудов вскочил, затряс щеками и кинулся чмокаться. Сержант насилу отсторонил его, а потом и не помнил, как оказался за картами.

...Карты занесли в Россию в XVI веке литовские купцы, а затем, в смутную пору лихолетья⁵, к ним приохотили немцы, во множестве наезжавшие в Московское государство в качестве купцов и кондотьеров, из которых набирались наёмные войска на царской службе. После сожжения и разграбления Москвы в 1611 году поляки, бесчинствовавшие во время си-

⁵ ...в смутную пору лихолетья... – Смутное время, Смута, Лихолетье – так называются в истории события конца XVI – начала XVII в. в России, когда окончилась династия Рюриков, – и до восшествия на престол первого царя из рода Романовых Михаила Фёдоровича. Термин этот был введён русскими писателями XVII в.

дения в Кремле, проигрывали в карты детей, отнятых у русских купцов и именитых бояр.

Суровый Пётр сам не терпел карточной игры как явной праздности, и его приближённые собирались за картами тайно. Картёж особенно процветал в Немецкой слободе, сбродные обитатели которой вели весёлую и разгульную жизнь. Наиболее азартные игры – фараон (банк) и кинце (пятнадцать) получили особо широкое хождение, начиная с царствования Анны Иоанновны⁶.

Играли все. Покойная государыня Елизавета Петровна⁷ со своими амантами и придворными. Екатерина II, будучи великою княгиней, – ночами, притворивши двери, с нелюбимыми фрейлинами и постылым мужем. Купцы, лакеи, гвардейские офицеры... Знаменитый московский вор Ванька Каин, служивший в полиции, ночами заманивал к себе в особливую «блинную избу» припозднившихся молодых дворян, обирая их за бильярдом, зернью и картами. Изобличённый в многочисленных преступлениях и посаженный в острог, он и там коротал скучные досуги в азартной и нечистой игре на деньги и вещи, так что пришлось сменить всю охранную

⁶ ...начиная с царствования Анны Иоанновны. – Анна Иоанновна (1693–1740) правила с 1730 г.

⁷ Покойная государыня Елизавета Петровна... – Елизавета Петровна (1709–1761), императрица всероссийская с 25 ноября 1741 г., дочь Петра I и Екатерины I. По выражению В. О. Ключевского, «умная и добрая, но беспорядочная и своенравная русская барыня», соединившая «новые европейские веяния» с «благочестивой отечественной стариной».

команду.

Не играли только крестьяне, кормившие Россию.

Плутводство в картах почиталось в те поры за норму, изящно именуясь «неряшеством». Плutowал претендент на руку Елизаветы в бытность её принцессою принц Людвиг Гессен-Гомбургский, подавая пример придворным. За князем Одоевским подметили, что он однажды тысячи полторы в шляпе перетаскал и в сенях отдавал своему слуге. Пойманный на подобной плутне у императора Петра Фёдоровича, сей Рюрикович потчеван был оплеухою и вытолкан вон пинками ног, что не помешало ему назавтра снова появиться за картами. По городам империи Российской развелось несчётно ремесленных игроков, среди коих наиболее славными почитались московские шулера, прозванные червонными валами...

Обование игры захватило Державина. Он кричал: «Бины!» «Жлуди!» «Реет!», брал взятки, срывал банк, даже не думая о деньгах. Карты всё ещё чаровали его, кружили голову до боли в висках, когда попеременно то бил озноб восторга, то обдавало всего кипящим варом. Он очнулся от морока после тихого стука в окно.

Стук повторился. Державин прильнул к оконцу, в слюде отразилось его простое и доброе русское лицо: крупные черты, несколько толстые нос и губы. С трудом разглядел:

– Ба! Стеша...

Максимов просиял и выкатился из-за стола:

– Управляйтесь без меня, братцы, я скоро вернусь.

Щекастый Блудов снова взялся за карты:

– Давай, дружок, на вексель какой банчок раскинем.

Державину давно уже открыты были все хитрые шильничества, в зерновых сборищах употребляемые, и он начал урезонивать ненасытного облупалу: хватит-де того, что почти сотню серебром выиграл, пора пожалеть парня. Но сам Яковлев просьбою прашивал игроков не бросать игру, вытащил из тощего кошельки бумаги – вексель в триста рублей, да ещё купчую в пятьсот на пензенское имение отца. Чтобы пуще разжечь юношу, Блудов стал притворно соглашаться с Державиным. Тогда, страшась, что ему не дадут отыгаться, Дмитрий принялся кричать криком:

– Господа, нечестно! Не бросайте карты!

– Да что ты орёшь, словно тебя колесуют! Никто не мешает тебе и векселя спустить! – скороговоркою бросил ему Державин, а Блудову только сказал, слегка пришепеливая от волнения: – Ну и сквернодей же ты, братец! Истинно обессрамился ты, и обессрамился вовсе!..

– Постой, постой, Гаврило! – ничуть не смутившись, отозвался Блудов, да ещё подмигнул ему, точно своему дружку-обайщику. – Не мы, чать, карты выдумали, не нам их и обносить. Налей-козь лучше мне чарочку хлебного вина, да послухай... – и, закинув толстое лицо, зачастил:

Бес проклятый дело нам затеял:

Мысль картёжну в сердца наши всеял, –
Ту распространяйте, руки простирайте,
С радостным плеском кричите: реет!
Дверь на трактирах Бахус отворяет,
Полны чаши пуншем наливает:
Тем даётся радость, льётся в уста сладость;
Дайте нам карты: здесь олухи есть!..

И появившийся в дверном проёме со Стешей, словно лицедей на театре, согласно подхватил стихи Максимов:

Постоянники все нас ругают:
Авантажа в картах вить не знают.
Портной и сапожник давно б был картёжник,
Бросил бы шилья и иглы в печь.
Ни стыда, ни совести в нас нету –
Олухам-то здешним в примету:
Карты подрезные, крепом намазные,
Делайте их разом и нечет и чет.

Щекастый и облый Блулов опрокинул рюмку так, что она без бульканья пропала в его лужёной глотке. Затем, размахивая пустой рюмкой, дочитал вирши, в то время как несчастный Яковлев с ужасом внимал ему:

Мы в камзолах, хотя без кафтанов,
Веселее посадских брюханов.
Игру б где проведать – сыщем мы обедать,

Лишь бы попался нам в руки фатюй.
Стройтесь стены в тюрьмах магистратских –
Вам готовят дворян и посадских!
Радуйся, подьячий, камень те горячий,
Ты гложешь их кости после нас!
Нам не страшны никакие бедства,
Мы лишаем отцовска наследства:
В тюрьмы запираем, как их обыграем.
Пусть они плачут – нам весело жить!..

– Вот, Гаврюша, какие вирши-то писать надобно, – наста-
вительно сказал Блудов, хрупая промозглым огурцом.

– Ну, господа, за дело! – потирая короткопалые руки, вос-
кликнул Максимов.

– Нет уж, с меня хватит. – Державин вышел из-за стола.

– Что ж, вольному воля, – согласился Максимов. – А ты,
душа моя, – обратился он к Стеше, – полюбезничай ужо с
господином сержантом...

Девушка подняла глаза на Державина и залилась пунцо-
вым румянцем. Картёж меж тем разгорелся с новой силой.

– Что ты стала редко ходить к нам, Стеша? – несмело
спросил Державин, беря со стола распечатанную колоду и
рассеянно перебирая в руках карты.

Она ответила не сразу. Нежно, но настойчиво принялась
отбирать у него карты, а затем, найдя нужную, положила пе-
ред сержантом: туза с алым сердечком.

– Не люб мне этот пузан... – и быстро отвернулась. – Ты

мне пригож!

Эх! Мечтал в своей бедности Гаврила о знатных боярынях, быстро сыплющих французскою речью, шуршащих шелками и сладко пахнущих ароматическими притирками и заморской водой. А в жизни всё попадались ему такие вот, как эта дьяконова дочка, доверчивые простухи. Но подняла Стеша на Державина серые свои глаза, и он невольно залюбовался ею: оклад у личика мягкий, носик вздёрнутый, губки пухлые, стан прямой. До чего же пригожа!

Гаврила отобрал в колоде бубнового короля и даму, а когда Стеша взяла эти две карты, задержал её маленькую горячую ручку в своей:

Я страстию к тебе пылаю,
Твои оковы я ношу,
Тебя люблю и обожаю
И сердце в жертву приношу...

– Это кто ж сочинил столь складно? – удивилась Стеша.

– Неужто понравилось? Мои вирши...

– А не вракаешь ты, Гаврюша? Не верю я чегой-то.

Он ответил стихами:

А ты, владея сердцем страстным,
Не хочешь сжалиться с несчастным
И вздохи томны прекратить;
Моей смягченна быть тоскою;

Не хочешь дать ты мне покою,
И жар любовью заплатить...

Яковлев уже расстался с векселем и теперь поставил на кон купчую, когда слышались явно дальние крики и брань.

– Никак стряслось что! – громко сказал Державин, отвлекаясь от маленьких знаков нежности.

Однако увлечённые игрой Максимов с Блудовым отмахнулись: мол, почудилось, а Яковлев так даже и ухом не повёл – не до того.

– Я пойду, пожалуй, – встала, поправив ситцевый расстегайчик, Стеша и тише: – Гаврило, дружок, проводи меня...

Державин с готовностью поднялся, хотел было первым выйти из горницы и едва не расшиб лба о низкую ободверину. Дверь распахнулась, и на пороге предстал дворовый Блудова – рожа расквашена, рубаха из посконины изодрана в лоскуты:

– Беда, батюшка барин!

– Да что там такое за передряга? В чём дело? – враз подскочили Блудов с Максимовым.

– Вышла у нас драка с бутошниками...

– Откуда же они взялись? – побледнел Максимов, поглядывая на Стешу с Державиным.

– Увидели мы, батюшка, что бутошники заугольно кого-то поджидают... – обстоятельно начал дворовый, утирая юшку. – Спросили их. Они отвечали грубо, и вышла брань. А

как со двора на подмогу сбежалось обедов твоих, осударь, боле, нежели подзорщиков было, то мы их и поколотили...

– Ой, мамочка родная! – всплеснула руками Стеша. – Не мои ли то родители бутошников подговорили? Крут мой батюшка... И подозревал меня сегодня быть у вас в гостях. Надо мне итить...

– Вот и хорошо, душа моя, – быстро согласился Максимов. – А Гаврила тебя проводит. Не подыматься же мне от карт.

Вся Поварская улица во мрак погружена – хоть глаз коли. Стеша жмётся к рослому сержанту, тот ласково успокаивает её. Вон и церковь святых Бориса и Глеба. Пошли вдоль ограды, заросшей густою, в рост человека крапивою.

– Кто там, Гаврило! – только крикнула девушка.

Из крапивы высыпало с десятков молодцов, мигом подхватили Стешу, а Державина так саданули по зубам свинчаткой, что он, уже поверженный, мог только слушать удаляющийся низкий рык дьякона:

– Небось под плетьюми всё расскажешь!.. До всего дознаемся!..

Державин поднялся, почесал обстрекавшиеся ноги, сплюнул кровь и побрёл восвояси...

Блюдов с Максимовым делили за столом выигрыш, меж тем как вконец обессиленный, упившийся вином Яковлев спал на лавке.

Вышло чудно. Не Державин утешал Максимова, а Макси-

мов его:

– Эх, душа моя! Женский быт, всегда он бит. Не тужи понапрасну. Как старики-то говорят – ждала сова галку, да выждала палку. Найдём себе другую грацию. А ты, душа моя, не гнушайся, выпей-ка за карточную нашу викторию да махнём в кабак, на Балчуг!

Державин не токмо вина, но и пива и мёду не пил, так пригубливал. Но тут сам потянулся к рюмке. Вместе с добрым глотком он почувствовал необычайную лёгкость в теле и какой-то тонкий звон, словно весь сделался стеклянным. Он уже не слушался рассудка, не помнил ни о своих, ни о Стешиных бедах и с радостью снова наполнил рюмку хлебным вином. Хмель сильнее отурил его, и, напрягшись всем своим сильным молодым телом, Державин выскочил на середину горницы:

– В кабак, братцы! Его ведь ни днём ни ночью не затворяют! Вы же у меня истинно художники, ибо худо или зло творите! Да зато с вами, право, не соскучишься!

– Вот это, братец, по-нашему! – подкатился к Державину толстомордый Блудов. – Едем! А как раб божий Митька Яковлев проспится, вытолкать его взашей!

2

Сколь дивна пресветлая и преславная Москва, древняя столица России! И хоть правит империей Питербурх, её

холодный и беспощадный разум, живым, горячим и пульсирующим сердцем страны остаётся Москва. Со всех концов естественным током стекается в неё новый люд, словно приливает свежая кровь. Из далёкой южной Украины, от самой Астрахани шёл сюда пешком, без гроша в кармане дьячков сын Василий Тредиаковский⁸. А с Крайнего Севера, из Архангельска, за обозом с мороженой рыбой прошагал до Москвы черносошный мужик Михайло Ломоносов. Всё здесь русскому любо: древние храмы, выдавшие Дмитрия Донского, да Ивана Калиту, да Ивана Грозного, да нижегородского мещанина Кузьму Минина-Сухорукого, и новые, на французский и италийский манер дворцы в ожерелках пышных садов. И милое московское «аканье», воспетое Ломоносовым: «Великая Москва в языке толь нежна, что А произносить за О велит она...». Вольготно и просто – не то, что шепетный Питербурх – раскинулась и первопрестольная на семи своих холмах.

И под стать ей жители – весельчаки и чудесники.

Взять хотя бы знаменитого заводчика Прокофия Акинфиевича Демидова. Никогда не позабудет Державин виденного

⁸ *Тредиаковский Василий Кириллович* (1703–1768) – русский писатель, поэт. Родился в Астрахани. Оставив церковную службу, бежал в Москву, где учился в Славяно-греко-латинской академии (1723–1726), потом отправился в Голландию, потом – в Париж, где учился в Сорбонне (1727–1730). В 1730 г. вернулся в Россию. В 1735 г. предложил реформу стихосложения – силлабо-тоническую систему, основанную на регулярном чередовании ударных и неударных слогов. Его система стиха строилась на национальной основе и во многом определила дальнейшее развитие всей русской поэзии.

им небывалого чуда: в одно погожее июльское утро на трёхвёрстной аллее, соединявшей подмосковное имение сего богатея с почтовым трактом, словно снега белые легли. А это Демидов вздумал прокатиться средь лета красного в санях; велел для того скупить на Москве всю соль, да и покрыть ею дорогу. То-то было радости бедному люду, сбжавшему с бадейками и полотняными кисами. Дорогая соль по его проезде делалась их бесплатным достоянием.

Но хоть Москва, сей Вавилон новый, и тянет его неодолимо к себе, подобно горе магнитной, сам Державин всё ж любит больше поглазеть на чужое веселие, чем участвовать в оном. Особливо если соединяется оно с забиячеством и непростительными шалостями.

Карета, запряжённая четвертнёй, пронеслась Арбатскими воротами и, подпрыгивая на бревенчатой мостовой, повернула в сторону Тверской улицы.

Державину вспомнилось, как определён он был в ямские подставы надзирать исправность наряженных лошадей для шествия в Москву императрицы и всего её двора. Начальником же его назначили подпоручика Лутовинова, который, как и его брат, капитан-поручик, оказался умным и очень расторопным в своей должности, но весьма и весьма развращённых нравов.

Сии офицеры гвардейские постоянно упражнялись в пьянстве, карточной игре и в обхождении с непотребными ямскими девками в известном по распутству селе Валдаях.

Там проводили они иногда целые ночи в кабаке, наезжая с пряниками-жмычками, цареградскими стрючками, калёными орехами, маковой избоиной и другими вкусными заедками и никого посторонних, кроме девок, не впуская. И хотя целую зиму с ноября по последние числа марта в таком распутстве провели, однако самого Державина со всеми принуждениями до того довести не могли, чтоб он их жизнь делил. Только в карты мало-помалу играть начал. Хотя бы в памфил⁹, но нет – в самые разорительное фаро и кинце...

И если время позволяло, продолжал своё кропание стихов. Тихонько от товарищей читывал книги, глотал всё подряд – Клейста, Гагедорна, Гелларта, Гадлера, Клопштока, а из отечественных – «Способ к сложению российских стихов» господина ТрEDIAКОВСКОГО, лёгкие вирши Сумарокова¹⁰ и, конечно, оды великого Ломоносова.

В обществе Гаврила стеснялся себя – говорил некрасно, и всё срыву, часто пришепеливал. Но сейчас хмель непривычно туманил голову, и, откинувшись на сиденье, Державин в пылком своём воображении представил, как произносит речь о Ломоносове в рассуждении его великолепия и гром-

⁹ Назвав так от червонного валета Памфила, или Фили, то есть простофили, дурачка.

¹⁰ *Сумароков Александр Петрович* (1717–1777) – русский поэт и драматург, один из видных представителей классицизма. Начиная писать, подражая В. К. ТрEDIAКОВСКОМУ; находился также под влиянием од М. В. Ломоносова. Но вскоре избрал иной жанр, принёсший ему популярность, – любовные песни, расходившиеся в списках. От песен перешёл к стихотворным трагедиям.

кого слова, всегдашнего сладкогласия и вкуса.

«Ломоносов! с кем сравнить, кому уподобить его безмерный и могучий талант? Воистину лишь с деяниями общего нашего отца Петра Великого. Что Пётр Первый совершил в отношении государства Российского, то сделал Ломоносов для нашей литературы. Он взошёл на российский Парнас не тяжело ползущим парением, но дорогой прямой и открытой. Пламенные творения его полны мыслей, накопление которых, подобно стеснившейся при запруде воде, вдруг прорывается и с шумом начинает своё стремление. Дрожи от восторга, понятливый читатель, внимай высокому беспорядку в ломоносовских стихах. Сей беспорядок происходит оттого, что восторженный разум поэта не поспевает стройно расположить быстротекущую мысль. Взгляни же, сколько тут ума и красот! Какое многообразие величественных, ужасных и приятных картин, звуков, чувств и изветий!

О, ты, что в горести напрасно
На бога ропщешь, человек!
Внимай, коль в ревности ужасно
Он к Иову из тучи рек!
Сквозь дождь, сквозь вихрь,
сквозь град блистая
И гласом грома прорывая,
Словами небо колебал,
И так его на распрю звал:
Где был ты, как передо мною

Бесчисленны тьмы новых звёзд
Моей возжѣнных вдруг рукою
В обширности безмерных мест
Моё величество вещали!..

Словно и впрямь само небо заговорило! В слогѣ своих од и гимнов – твёрдом и благородном – слов площадных или простонародных он никогда себе не дозволяет и средь вышнего полѣта, словно задумавшись, вдруг обращается к чему-то занимательному, чтобы придать стихам ещё более блеска, жизни и величия. Как научиться следовать за ним, как разгадать тайну его смелого пера?..»

Державин не сдержал улыбки: смеху достойно тщание Сумарокова уничтожить ныне сатирую первого российского пиита!

Сам Державин не сразу постиг мощь и глубину ломоносовских стихов. Всего же боле нравился ему по лёгкости слога князь Фѣдор Алексеевич Козловский¹¹, приятный стихотворец и автор комедии «Одолжавший любовник». Упраж-

¹¹ *Козловский Фѣдор Алексеевич* (1740-е гг. – 1770) – князь, поэт, писатель. Служил в Преображенском полку, откуда был командирован в Комиссию об Уложении (см. коммент. № 18). В 1769 г. был направлен курьером к графу А. Г. Орлову в Италию. По пути – по поручению Екатерины II должен был захватить к Вольтеру (что, вероятно, и сделал), которого сам был горячим поклонником. Хорошо образованный человек, он дружил с Фонвизиним, Херасковым, Новиковым. Для Державина произведения Козловского служили образцом в его первоначальных опытах. Ф. А. Козловский погиб в Чесменском бою при взрыве корабля «Святой Евстафий». Смерть его вызвала всеобщее сожаление.

няясь по примеру его, научился он цезуре или разделению александрийского ямбического стиха на две половины. С Козловским и спознакомился Державин в Москве, да только как!

Сержант наклонился к опускающему окну кареты: не дом ли Василья Ивановича Майкова¹² на Тверской проезжаем? Подлинно, он.

По долгу своему хаживал Державин частенько с приказами вечером или даже ночью с Никитской, где рота стояла, на Тверскую, Арбат, Ордынку, что за Москвою-рекою, а раз так чуть не потонул в снегу на Пресне и едва отбился тесаком от бродячих собак. Так вот, велено было ему доставить приказ князю Козловскому, состоявшему в третьей роте прапорщиком и остановившемуся на Тверской, в доме славного стихотворца Майкова, написавшего ирои-комическую поэму «Игрок ломбера».

Помнится, вошел в залу, чтобы передать князю приказ, увидел он сборище гостей, которым Козловский читал со-

¹² *Майков Василий Иванович* (1728–1778) – русский поэт. С 1747 г. был на военной службе. В 1761 г. вышел в отставку, примкнул к группе литераторов, объединившихся в Москве вокруг М. М. Хераскова (см. коммент. № 28). Литературную известность ему принесла комическая поэма «Игрок Ломбера» (1763), в которой высмеивалось увлечение азартными карточными играми, охватившее дворянское общество с начала 60-х гг. XVIII в. Вместе с Н. И. Новиковым (см. коммент. № 21) выступал против официозной литературы, поддерживаемой Екатериной II. Странник эстетической программы А. П. Сумарокова (см. выше). В начале 70-х годов стал масоном, что отразилось в переложении им псалмов, духовных од и др.

чинённую им трагедию. Приходом вестового чтение прервалось. Державин вручил приказ и остановился у дверей, желая послушать трагедию. На что из этого произошло? Приметя, что он не идёт вон, Козловский сказал: «Пооди-ка, братец служивый с богом, что тебе попусту зевать, ведь ты ничего в этом не смыслишь». И молодой стихотворец принуждён был выйти.

Да и кому ведомо, что он стихотворец? Жёнкам солдатским, которым Державин писал грамотки к родственникам их? Товарищам по полку – Неклюдовым, из коих один был унтер-офицер, а другой сержант, расхвалившим его стансы солдатской дочери Наташе? Некоторым офицерам-преображенцам, случайно прочитавшим его сатирические и непристойные стихи про одного капрала, жену которого любил полковой секретарь?

Солёные его двустишия или билеты насчёт каждого гвардейского полка повторяет каждый солдат, но площадные сии побаски разошлись безмянно. А шестистопные ямбы Державина об императрице Екатерине II так никому и не известны...

– Ты что, Гаврюша, никак заснул? – тронул его Блутов. – Приехали, чать, братец... – и первым выкатился из кареты.

Середь Москвы, во тьму погруженной, бессонно горят окна питейного дома на Балчуге, о коем в те поры шла в народе громкая молва. Сюда наезжали из Питербурха знаменитые Орловы, весельчаки, красавцы, богатыри, как на подбор,

бывшие в большой силе при дворе и вызывавшие к себе всеобщую любовь своей добротой, удачью и мягкосердечием. Здесь Григорий Орлов с братьями – Иваном, Алексеем, Фёдором и Владимиром – любил слушать простые русские песни, до которых был превеликий охотник, или вызывал доброхотов из народа подражаться с ним на кулачках.

Хозяин – редкая борода опомелком, глаза воровские, цыгановатые – провёл гостей грязными горницами, где шумно гуляла случайная сволочь, на второй этаж в особливую и обширную залу. Она была пуста – лишь в дальнем конце у окна неизвестная Державину компания упражнялась за бильярдом.

– Что прикажут господа благородные? – блеснув медным единцом в ухе, спросил хозяин. – Зернь? Карты? Или бильярд желают? Так вон тем честным людям как раз недостаёт одного...

– Или впрямь пойти спознакомиться с ними да партию разыграть? – предложил благодушный и уже слегка хмельной Блудов.

– Обожди, душа моя, – остановил его Максимов, – разговор есть, и серьёзный. А господ тех честных – валетов червонных я знаю, и знаю довольно... Давай уж, – оборотился он к хозяину, – нам выпить и закусить чего...

Тот молча поклонился, вышел и воротился мигом, расставив на столе: четверугольную бутылку зелёного стекла с коротким горлом, посудыны – одну с горячими коровьими руб-

цами, другую с крошеным и рассольным лосьим осердьем, затем принёс квашенины, солений грибных, стаканцы да оржаную ковригу.

– Хорошо гуляем, братцы! – воскликнул Блудов, ототкнув бутыль и разливая вино по стаканцам. – Ей-богу, почаще бы так собираться да рассуждать! Истинно, Гаврило, люблю я сладкую и весёлую жизнь. Не то что братец мой двоюродный Максимов. Он только о кармане своём мошенничьем думает – чем бы его ещё набить. Я же, что ни выиграю, тотчас спущу, лишь бы поесть и попить сладко и особенно люблю это вино хлебное. – С этими словами Блудов опрокинул стаканец. – А вы что не пьёте? Ну-ко, Гаврило, прочти тот билет, который ты давеча сочинил насчёт меня и так искусно!

Державин усмехнулся – как же позабыл он ещё об одном благодарном читателе! – и охотно откликнулся на просьбицу:

Одна рука в мёду, а в патоке другая;

Счастлива будет жизнь в весь век тебе такая...

– Нет, ты никак не ниже того пиита, который наш картёж воспел! Выпьем теперь за то, что ты мне написал!..

– Невелика мудрость кошелёк растрясти, – сказал Максимов, на этот раз не прикоснувшийся к вину. – Что пьяный! Сказывает: решето денег имеет, а проспится, ан и пустого решета купить не на что. Ты меня послухай, коли всамделе

хочешь, чтобы жизнь твоя в мёду да в патоке текла.

– В чём дело-то?

– Ведом тебе, душа моя, – понизив голос и наклонившись над столом, заговорил Максимов, – сосед мой по имению села Малыковки экономический крестьянин Иван Серебряков?

– Тот, что в сыскном приказе содержится и ономедни под присмотром отпросился к тебе в гости? – вставил Державин.

Максимов посмотрел на него как на лишнего.

– Он самый... Попал в колодники за лихоимство. Сам предложил прожект о населении пустопорожных мест по реке Иргиз выходящими из Польши раскольниками, да во зло его и употребил. Но суть не в том...

– Да не томи, дружок, скажи прямо! – заёрзал на лавке Блулов.

– Вместе с ним содержится, – продолжая тайничать, медленно рассказывал Максимов, даже слегка надувшись от важности, – некий человек, указавший Серебрякову клад богатый...

– Не оплетало ли какой? – усумнился Блулов, даже переставший от волнения жевать солёное лосье лёгкое.

– Человек этот – атаман запорожских казаков Черняй...

– Ну? Который с известным Железняком разорил турецкую слободу Балту?

– Вот-вот! Железняка сослали в Сибирь, а Черняй занемог или сказался больным и до выздоровления посажен в тот

же сыскной приказ... Между разговорами открылся Черный Серебрякову о награбленном его артелью богатстве: потайные ямы наполнили серебряною посудой, а в пушках схоронили червонцы и жемчуг...

Максимов наклонился к Блудову и перешёл на шёпот. До Державина доносилось только: «Без сообщников сильнейших нельзя...», «Высвободим через господ сенатских...», «Выпросим под своё поручительство...» Впрочем, он слушал Максимова вполуха и не потому, что тот не приглашал его никак участвовать в их умысле. Никогда в химерические сии проекты обогащения Державин не верил.

Мало-помалу привлекли его препирания за бильярдом.

Оставив шепчущихся, Державин подошёл к игрокам и стал следить за партией. Появившийся здесь богатырской стати поручик вскорости начал браниться, а затем с досады чуть не переломил кий. Вся его игра попусту шла, тогда как у ловких партнёров каждый шар ложился точно в лузу. Приметя сие, Державин не мог удержаться и тихонько сказал поручику с улыбкой в голосе:

– Задача трудная, ваше благородие. Право, каким же мастером искусным надобно быть, чтобы на поддельные шары да и выиграть! – и пошёл назад.

– Спасибо, братец! – только пролепетал ему вслед офицер.

Видно, Блудов, у которого на сокровища запорожцев разгорелись зубы, изрядно успел налакаться. В ответ на все увещевания Максимова, он нёс одну окоlesiцу.

– Что, договорились, сроднички? – садясь за стол, с насмешкою спросил Державин.

– Как же, чёрта лысого договоришься с ним! – мрачно ответил Максимов. – Его пьяного переговорить что свинью перепердеть!..

Брань и крики донеслись с другого конца залы. Игроки подступили к поручику, требуя закончить партию. Но офицер оказался не из робких.

– С мошенниками не играю! А ну подходи, смажу! – добродушным, не соответствующим моменту басом рокотал он.

Прибежал хозяин и развёл спорщиков.

Державин же с Максимовым подхватили Блудова под мышки, запихнули в карету и повезли на Поварскую.

Только подъезжая к знакомой церкви Бориса и Глеба, вспомнил сержант про Стешу: чем-то для бедняжки всё кончилось? Покосился на Максимова – тот оттопырил губы и сопел, видно всё обдумывая, как лучше завладеть кладом Черня.

Карета уже повернула к дому Блудова, когда вдруг ударили в темноте трещотки и чьи-то сильные руки подхватили лошадей под уздцы.

– Дворянский сын Гаврило Державин! – просунулось в карету усатое рыло в треуголке.

– Что надобно? – встрепенулся сержант.

– Велено тебя взять под стражу и доставить немедленно в полицейскую часть!

Седьмые сутки сидит лейб-гвардии сержант в карауле вместе с татями да беглыми людьми, никакой, однако, вины за собою не зная.

Как вошёл в камору – ошибло его смрадом. Лёг он в уголку, прикрылся мундиром и всё размышлял. Обьедья да помои, что давали, не ел, брезговал.

Когда на другой день после ареста привели его в судейскую, Державин с обычной для него горячностью сам подступился с вопросами: «За что ж вы меня, безвинного человека, схватили? К чему прицепились?» Но видавшие виды судейские крючки ухом не повели – сидели как болваны деревянные. А потом зачали спрашивать и домогаться, чтобы он признался в зазорном обхождении с дьяконовой дочкою и во искупление греха на ней женился. «Да вы что? Никак решили вовсе оболтать меня?» – дивясь безумству и наглости альгвазилов, одно и мог молвить изумлённый Державин. «Никто на тя наговаривать не собирается, а отпирки твои не помогут. Звана ужо и твоя обличительница, – невозможно ответственствовал председательствующий. – Обвопилась под плетьюми, да потом и во всём и призналась». И верно, появилась вскорости Стеша, вся в пересадинах, и, не подымая отёклого от побоев и слёз лица, всё твердила, что сержант её очреватил. «Ах, Стеша, Стеша! Что же ты грех такой на себя

берёшь! Где же правда на земле?» – сокрушённо сказал Державин и более ни на какие домогательства не поддавался.

А как свидетелей-очевидцев не оказалось, пришлось отправить его обратно в караул.

Знать, крючки судейские спокон веку жестокосерды были. Спомнилось ему, как, оставшись после смерти отца сиротою на двенадцатом году, терпел он с матерью и младшим братом всякие притеснения и лишения от соседей, отнявших у них лучшие земли, понастроивших там мельниц и потопивших их луга. А как входили они с ними в тяжбу, то в приказах сильная рука всегда перемогала. Да бедному везде бедно! Чтоб хоть какое-нибудь отыскать правосудие, должна была мать с малыми своими сыновьями по несколько часов простаивать в передних у судей. Но те, выходя, не хотели её даже порядочно выслушать, а с холодной безжалостностью проходили мимо. Нет, никогда не изглядятся в его памяти слёзы и страдания матери от сего кривосудия!..

Так всё-таки где правда, где вышний суд и воздаяние? До какой подлости и худобы доведён самый род его! А ведь Державины не самые худые дворяне на Руси! Предок его – мурза Багрим выехал служить из Большой Орды при державе великого князя Василья Васильевича¹³, который самолично и окрестил его в православную христианскую веру. Вотчин

¹³ ...при державе великого князя Василия Васильевича... – Василий II Тёмный (1415–1462), сын Василия I, великий князь Московский с 1425 г. В 1446 г. был взят татарами в плен и ослеплён.

у него было не счесть – во Владимире, в Суздали, в Переяславле, в Юрьеве Польском, в Новгороде, в Нижнем... От Багрима, окрещённого Ильёй, пошли дети – Дмитрий Нарбек, Акинф, Юрья, Тегль, а от Дмитрия Ильина сына Нарбекова – Назарий, Алексей, Держава. Этот последний и был родоначальником их фамилии.

Что ж с того богатства осталось?

Дед Державина, Девята Иванов, пока силы были, служил верой и правдой России и Петру Великому, ходил в Крымские походы¹⁴: в первом с боярином Долгоруковым, во втором – с Шереметьевым, был и против башкирцев, и против донских казаков, нёс исправно службу в Казани, о чём «безо всякого закрытия и фальши» сообщал императору Петру Алексеевичу в 722-м году. Четверо его сыновей, а среди них и отец Гаврилы, состояли в российской армии: Иван в Преображенском полку в солдатах с 713-го году, да Иван меньшей в морском флоте с 715-го году мичманом, да Роман, коей определён в полк в солдаты с 722-го году, а потом пришёл черёд и четвёртого – Василия.

Но жаловался государю Девята Державин: «А когда я стал стар и дряхл и глазами худо вижу и скорбен главною и внутреннею болезнью, то впал в бедность. Оклада на мне денежного не положено. Сын Потап 8 лет в доме увечен, глух и дряхл. Жительство имею в Казанском уезде в деревне Кар-

¹⁴ ...ходил в Крымские походы... – Крымские походы русских войск против Крымского ханства происходили в 1687 и 1689 гг. Окончились неудачей.

мачах».

Истинно, молвить стыдно – имел в ней Девята Иванович только свой двор, да крестьян три двора, а людей семь душ: в том числе два недоросля, да бобыльский один двор, и у помещика жили за скудостью сын крестьянский да два недоросля... Нет, до бога высоко, до царя далеко!..

Сбродный люд в каморе меж тем болтал разное: беглые всё больше сетовали на тяжкие подати, на лютящих помещиков и старост, на нестерпимую голодуху.

– С весны починаем в мучицу пелы да солому подмешивать, а иные едят лист липовый и кору берёзовую толчёную, отчего происходят многие болезни, даже до умертвия, – обыденно рассказывал мужичонка с всклокоченной бородой.

В другом углу гнусаво гудел густобородый верзила в донельзя драном чекмене:

– ...Потому как покушался довести до сведения нашей матушки царицы о беззакониях, творимых у нас на Яике... Жалованье повсеместно удерживают и всяко самовольничают: старые права и обычаи рыбной ловли уничтожают. В багренье, да в севрюжье рыболовство, да в осеннюю плавню половину улова забирают себе. Нам то не любо...

– Так тебе, ослопина, и надо! – насмешливо отозвался кто-то из темноты. – Глядишь, скоро всё отымут: ни севрюжки, ни жёнки собственной не попробуешь – будешь холоп холопом!

– ...Генерал Черепов с командою многих побил, а иных

повесил, прочих же сёк нещадным или простым кнутом, – продолжал уныло гудеть казак. – Им веселие, а нам отягощение и разорение...

– Эх вы, а ещё вольными казаками прозываетесь, – снова послышался насмешливый голос. – Что же тогда нам, подъяремным, делать прикажешь?

Ах, когда бы нам, братцы, учинилась воля,
Мы б себе не взяли ни земли, ни поля,
Пошли б, братцы, в солдатскую службу.
И сделали б между собою дружбу.
Всякую неправду стали бы выводить
И злых господ корень переводить...

– В Шацком уезде, – бормотал мужичонка, – холопы ночью, в самое первосоние усадьбу да и запалили с четырёх концов. Так боярин, сказывают, со страху постель свою опрудил. А от усадьбы богатой да ото всех служб остался один прах...

Державин в сии подлые разговоры не вступал, лежал себе да помалкивал. Только подумал: «Нет, эта болезнь нам ещё отрыгнётся...»

– Ах! Безвинно меня оболтали!.. – с воплем вверзился в камору щёголь в новёхоньком шёлковом камзоле, отороченном кружевными пелепелами.

«Ишь, шаркун паркетный, чать, много полов перешаркал, попробуй и энтого!» – с неприязнью подумалось Державину,

но тут же сержант поспешил подняться. Щёголь пал оземь в омрак с дерготою, корчами и кривлянием.

Державин подошёл, опрыскал его водою, и щёголь очнулся. Назвался дворянским сыном Бурсовым Борисом. Поведал, что обвиняют его в подделывании векселей на крупную сумму денег, тогда как он ни сном ни духом неповинен. Показалось Державину, что видел он сего щёголя в нечистых компаниях за зернью да картами, но по свойственному ему простодушию сержант тут же отогнал от себя подозрения.

– Ничего не поделаешь, братец, терпи... Видно, одного мы с тобою поля ягоды – оба напрасно страдаем... – сказал он Бурсову. – Переждём-перетерпим, да после споминать будем и смеяться!..

А как было ему теперь не до смеху, то снова лёг в своём уголку. Стал думать о себе, о своей судьбе-судьбинушке злой.

Всю юность в трудах провёл, да что толку? Трудиться ба-рану вечор и порану! Прилежен был, учась три коротких года в Казанской гимназии под началом известного автора и переводчика Михаила Ивановича Верёвкина. Скромностью и рвением выделялся среди солдат-дворян в Преображенском полку, где не токмо понуждён был по бедности пойти на хлебы к семейному солдату, с коим жил в одной связи, но и наравне с крестьянскими детьми ходил за провизантом, чистил каналы, разгребал снег около съезжей, усыпал песком учебную площадку...

Как боготворил он молодую императрицу Екатерину Алексеевну! В памятный день переворота¹⁵, в ту самую минуту, когда она отправилась в Питербурх для свершения отважного дела, стоял на часах в Петергофском дворце, но позже никакой милости не удостоился. Осьмой уж год в Преображенском полку, а офицерского чина всё не получил, тогда как другие вона уж как далеко прыгнули!

Будучи в ямской подставе, написал славословие государыне Екатерине Алексеевне в ожидаемом от неё благодеянии и покровительстве:

Таков твой суд есть милосердый.
Ты как к нам сердобольна мать...
Грозишь закона нам стрелю;
Но жизнь преступших ты блюдёшь,
Нас матерной казнишь рукою –
И крови нашей ты не льёшь...

Но мелькнуло в пышном царском поезде и пропало её лицо. Где же, где же наконец вышний суд? Или истинно то, что добродетель цветёт только в надутых трагедиях господина Сумарокова? А в свете сем, верно, скромность и честность почёта не имут... Матушка государыня! всё тебе ведомо! Воззри же на верного слугу твоего, что в позоре да мучениях безвинно дни влачит! Явись, явись как столп светел

¹⁵ В памятный день переворота... – 28 июня 1762 г. Екатерина II при помощи гвардейцев свергла своего мужа Петра III и заняла престол.

и огнесиянен!..

Свеча внезапно облистала мрачную камору: судейский с бельмом, за ним караульный солдат.

– Господин лейб-гвардии сержант! По отводу суд обезвиняет тебя, можешь итить домой. Однако обо всё сообщено в твою московскую канцелярию...

С ослышки на радостях Державин не сразу понял, что его выпускают. Вскочил, позабыв про несчастного Бурсова, чуть не поверг на пол плюгавого бельмастого судейского, толкнул вонявшего чесноком солдата и выбежал на волю.

4

От Земляного вала, где помещалась полицейская часть, до Поварской пеший путь долог.

Не хотелось ворочаться ему к Блудову и Максимову, да что поделать! Кроме них, у него в Москве лишь малая, двоюродная тётка и материна тёзка Фёкла Савична – скаредная и пустоголовая старица.

Возле Покровских ворот, перед домом, выстроенным в модном, классическом вкусе антиков, Державин остановился передохнуть. Сюда хаживал он во время коронации матушки государыни к графу Ивану Ивановичу Шувалову, большому меценату, охотнику до наук и покровителю великого Ломоносова. Угнал он, что главный куратор Московского университета, а также и Казанской гимназии, намерен

отправиться в чужие края. Тотчас написал письмо с просьбою взять его с собою и был принят вельможею со всей ласковостию и одобрением.

Всё бы ничего, да восстала тётушка Фёкла Савична, крича, что Шувалов сей фармазон и богохульник, преданный антихристу.

– Не веришь? – кричала она, доставая из-за божницы измятый листок. – Так вот на тебе! Читай!

Это были вирши, ходившие по Москве:

Появились недавно на Руси франк-масоны
И творят почти явно демонически законы,
Нудятся коварно плеть различны манеры,
Чтоб к антихристу привость от христианской веры.
К начальнику своего общества привозят,
Потом в темны от него покои завозят,
Где хотяй в сей секте быть терпит разны страсти,
От которых, говорят, есть не без напасти.
Выбегают отовсюду, рвут тело щипцами,
Дробят его все уды шпаги и ножами,
Встают из гробов, зубами скрежещут,
Мурины, видя сей улов, все руками плещут.
А из сего собора в яму весьма темну
Приводят их, в камору уже подземну,
Где солнечного света не видно ни мало,
Вся трауром одета, как мёртвым пристало.
Там свечи зажжённые страха умножают,
В гробе положенные кости представляют.

Встая из гробов, кости берут нож рукою
И стакан, полный злости, приемлют другою.
Проколов сердце, мертвец стакан представляет,
Наполняя кровью, как жрец, до дна выпивает...

Державин смутно слышал о фраймауэрах¹⁶ организовавших тайные ложи в Питербурхе и Москве, где иногда собирались и явно. Но в суть сего таинственного учения по молодости не вникал и франкмасонов сторонился.

– Полно, тётушка, да масон ли он?

– Да уж не перечь! Опасным волшебством занят и за несколько тысяч вёрст неприятелей своих ворожбою умерщвляет. Да почти до конца!

Молва утверждала, что выход из масонства был делом крайне опасным: в обществе остаётся портрет каждого члена, благодаря чему орден распоряжается жизнью отступника:

Многие к тому примеру, говорят, бывали,
Которые от себя веры отстать пожелали,
Но из оных в живых нет на свете;
Вить стоит смерть в его живом портрете,
Который лишь поранят пулей из пистолета,
В тот час увянет и лишится света...

В Семилетнюю войну против пруссаков масоны, как сказывали, передавали военные секреты через великого князя

¹⁶ Der Freimaurer (нем.) – «вольный каменщик», масон.

Петра Фёдоровича Фридриху II¹⁷. Поговаривали, что масоны уже проникли повсюду, что в ложах сих состоят знатнейшие бояре: Апраксины, Долгорукие, Куракины, Трубецкие, Репнины, Чернышovy, Панины, Шуваловы. Тайна, которую масон клялся никому и ни под каким видом не открывать, не бывала открыта и ему. Для каждой новой ступени посвящённого масона следующая оставалась секретом – мрак лишь сгущался...

¹⁷ *В Семилетнюю войну против пруссаков масоны, как сказывали, передавали военные секреты через великого князя Петра Фёдоровича Фридриху II.* – Семилетняя война 1756–1763 гг. между Австрией, Францией, Россией, Испанией, Саксонией, Швецией – с одной стороны, и Пруссией, Великобританией и Португалией – с другой. Была вызвана обострением англо-французской борьбы за колонии и столкновением агрессивной политики Пруссии с интересами Англии, Франции и России. В 1761 г. Пруссия была на грани катастрофы, но новый русский царь Пётр III, в недавнем прошлом великий князь Пётр Фёдорович (внук Петра I, сын голштейн-готторпского герцога Карла Фридриха и цесаревны Анны Петровны) заключил с ней в 1762 г. союз (который потом Екатерина II расторгла, но военных действий не возобновила). *Пётр III (1728–1762)* – российский император в 1761–1762 гг. Его тётка, императрица Елизавета Петровна, в 1742 г. объявила его наследником. В 1645 г. вступил в брак с принцессой Софьей Фредерикой Августой Анхальт-Цербстской, будущей императрицей Екатериной II. Человек невежественный, занятый в первую очередь придворными развлечениями, Пётр III предоставил управление страной в руки дворцовой знати и высшей администрации, которые провели ряд мероприятий в интересах дворянства. Антинациональная внешняя политика, введение прусских порядков в армии, пренебрежение к русским обрядам и обычаям создали оппозицию в гвардии, которую возглавила Екатерина II. Пётр III был арестован, отправлен в Ропшу, где убит с ведома Екатерины. Дворцовый переворот 1762 г. породил необоснованные слухи о том, что Пётр III был свергнут дворянами за намерение освободить крестьян. Под именем Петра III выступали многие самозванцы, в том числе Емельян Пугачёв.

Державин спомнил, что после переворота Екатерины II велено было взять под стражу их Преображенского полка протопопа Андрея, «яко масона и явного злодея церкви», который во время учений в Петров пост, «явно ругая предания святых отцов, разрешал во все посты мясо исть».

Сам сержант чурался чужебесия, хранил верность добрым православным заветам и особого страха перед франкмасонами не испытывал. Однако под угрозой сообщить обо всём матушке Фёкла Савична строго-настрога наказала племяннику не встречаться более с Шуваловым.

Да что там! Если податься к тётушке, то никакого житья не будет!..

Пришедь на Поварскую, Державин с горячностью набросился на Максимова:

– Что же ты, негодь этакая, за меня даже не заступился, хоть сам кругом виноват! И это при твоих-то приятелях, значущих чиновных людях из господ сенатских и магистрата!

– Ах, душа моя! – нимало не смутившись, отвечивал Максимов. – Жаль тебя, да не как себя... Не серчай, мне теперь и вовсе недосуг.

И впрямь он был захвачен планом во что бы то ни стало отыскать клад запорожцев и почасту разговаривал о том, затворившись в своих комнатах с Иваном Серебряковым, рябым хитроvanом, которого выпросил-таки из сыскного приказа под своё поручительство.

Державина же ожидал в доме Блудова пакет с вызовом

в канцелярию Преображенского полка. Думал, какая нахлобучка ему следует, а вышла неожиданная радость. Отправивший в Питере, в гвардейском полку, уже секретарскую должность приятель его Неклюдов прослышал, что Державин в Москве вовсе замотался. Сжалился он над ним и безо всякой его просьбицы написал, чтобы причислили сержанта к московской команде. А известию, присланному насчёт Державина из суда, в канцелярии все только дивились и смеялись.

Велено было сержанту ходить как сочинителю или секретарю в Депутатскую комиссию, открытую в Москве государынею ещё в 1767-м году¹⁸.

В Кремле собраны были со всей империи разные народы и сословия для подачи своих голосов и составления нового Уложения, или Свода российских законов, кои не пересмат-

¹⁸ ...в Депутатскую комиссию, открытую в Москве государынею ещё в 1767 году. – Речь идёт о Комиссии об Уложении 1767 г., созданной для выработки нового свода законов. Екатерина II использовала её для укрепления дворянской диктатуры и своего положения на троне. Открытие Комиссии об Уложении состоялось в Успенском соборе в Москве; с февраля 1768 г. работа была перенесена в Петербург и сопровождалась чтением Наказа Екатерины II, специально для этого случая написанного (о Наказе см. ниже). На 204 заседаниях не был обсуждён до конца ни один из поставленных вопросов, не было принято ни одного решения. При обсуждении некоторых вопросов – в частности, об ограничении крепостного права, о передаче части земли в собственность крестьян и т. п. – возникали острые ситуации. Это явно не устраивало императрицу, и, пользуясь объявлением русско-турецкой войны, в обстановке роста народного недовольства Екатерина распустила общее собрание комиссии в январе 1769 г.

ривались со времён царя Алексея Михайловича¹⁹. На Большом собрании в Грановитой палате обсуждали Наказ, написанный самой императрицей в подражание трактату «Дух законов» известного французского вольнолюбца и философа Монтескьё²⁰, депутаты – от дворян, городов российских, казачьих войск, а также от пахотных солдат, черносошных крестьян и однодворцев.

¹⁹ ...кои не пересматривались со времён царя Алексея Михайловича. – Уложение царя Алексея Михайловича (1629–1676, правил с 1645), или Соборное уложение 1649 г. – кодекс законов Русского государства, принятый Земским собором 1648–1649 гг. после восстаний в Москве и других городах России. Источниками служили: судебники 1550 г., указные книги Поместного, Земского, Разбойного и других приказов, коллективные челобитные дворян, посадских людей и т. д., а также Кормчая книга и др. Всего включало 25 глав, 967 статей, разрабатывавших вопросы государственного, административного, гражданского и уголовного права и порядок судопроизводства. Отвечало интересам господствующего класса дворян, способствовало развитию самодержавия и крепостничества, чем и объясняется его долговечность. Оставалось основным законом России вплоть до 1-й половины XIX в.

²⁰ ...обсуждали Наказ, написанный самой императрицей в подражание трактату «Дух законов» известного французского вольнодумца и философа Монтескьё. – Наказ Екатерины II – философско-юридический трактат, изданный на русском, немецком, французском и латинском языках в качестве руководства для депутатов Комиссии об Уложении. Состоял из 22 глав, 655 статей государственного, уголовного и гражданского права, а также вступления, заключения и двух дополнений. Фразеология просветительских теорий сочеталась в этом Наказе с обоснованием необходимости самодержавия в России, с рекомендацией барщины и т. д. Практического применения не имел. Монтескьё Шарль Луи (1689–1755) – французский просветитель, правовед, философ. Выступал против абсолютизма. Стремился вскрыть причины того или иного государственного строя. Утверждал, что законодательство страны зависит от формы правления. Трактат «О духе законов» написан в 1748 г.

Не допущены были в Комиссию лишь помещичьи крестьяне, хотя само учреждение её было вызвано непрерывными возмущениями крепостных, сотрясавшими империю.

...Парадная палата древних русских царей отделана снаружи гранёными белыми плитками известняка, отчего и именуется Грановитой. А внутри стены обиты красным сукном, крестовые своды изукрашены народными мастерами и окантованы блестящей бронзой. Против главного входа, на возвышении, место председателя или маршала заседаний Алексея Ильича Бибикова. Рядом с ним – генерал-прокурор сената Александра Алексеевича Вяземского и директора Комиссии Шувалова. Глаза разбегаются от золотого шитья на богатых кафтанах и мундирах, разноцветных лент, лучистых звёзд, от пёстрых красок халатов. В петлице у каждого депутата золотой овальный знак: на одной стороне вензель государыни, на другой – надпись: «Блаженство каждого и всех». Возле депутатских скамей высокие налои, за которыми трудятся секретари – ведут протоколы заседаний и принимают письменные заявления для передачи маршалу.

В огромной зале духота. Державин уже устал слушать депутатов и с недоумением, даже с некоторой завистью, поглядывает на соседа, двадцатитрёхлетнего секретаря Комиссии Николая Новикова²¹. Тот бойко строчит гусиным пером, из-

²¹ *Новиков Николай Иванович* (1744–1818) – просветитель, писатель, журналист, критик, издатель. В 1767 г. откомандирован из Измайловского полка в Комиссию об Уложении. Эта деятельность сильно повлияла на формирование его общественных взглядов, именно тогда сложились его просветительские убежде-

редка поглядывая внимательно и чуть-чуть насмешливо на говорящего: надменного князя Щербатова²². Депутат от дворян Ярославского уезда и известный писатель-историограф пылко защищает неколебимость сословных привилегий.

Впрочем, и большинство депутатов из дворян осуждало любые послабления холопам, резко нападая на их заступников – пахотного солдата Жеребцова, да однодворца Маслова, да сотника Падурова, да казака Олейникова, и промежду собою побранивало за вольнодумство екатерининский Наказ, который был даже запрещён во Франции. Но и среди дворян

ния. Ужасы крепостнического права привели Новикова к мысли о необходимости борьбы с этим жестоким гнетом. После роспуска комиссии в 1769 г. ушёл в отставку. Стал издавать сатирические журналы «Трутень», «Пустомеля», «Живописец», «Кошелёк». В 1779 г. арендовал на 10 лет типографию Московского университета и переехал в Москву. Издавал книги по всем отраслям знаний, в том числе религиозно-мистические, а также газету «Московские ведомости». Потом арендовал ещё две типографии и организовал Типографическое общество. Тогда же вокруг него организовался кружок известных писателей, публицистов, переводчиков. Создал сеть библиотек и книжных магазинов во многих городах России. Всё это делалось на средства масонского ордена, деятельным членом которого стал Новиков. Антиправительственный характер просветительской деятельности Новикова понимала Екатерина II. В 1792 г. он был заключён на 15 лет в Шлиссельбургскую крепость, но освобождён при Павле I в 1796 г.

²² *Щербатов Михаил Михайлович* (1733–1790) – князь; писатель, публицист, историк. Будучи депутатом Комиссии об Уложении, защищал интересы дворян, однако вместе с тем в своих публицистических сочинениях обнаруживал известную широту взглядов, обличал крайности крепостничества, выступал за всеобщую грамотность. В памфлете «О повреждении нравов в России» разоблачал двор Екатерины II (написан в 1786–1789, издан в Лондоне в 1858). Автор перевода поэмы Э. Юнга «Страшный суд» (1777), басен, од, лирических стихотворений, являвшихся образцом нормативной поэтики 2-й половины XVIII в.

нашлись такие, как майор Козельский и дворянский сын Коробьёв, кои не только призывали к человеколюбивому обращению с крепостными, а в дерзких мыслях своих шли много дальше отвлечённых мечтаний государыни.

Признаться, Державин работою себя не перемучивал и в дела не шибко вникал, хоть и удостоился затем за труды похвального аттестата: за бумагами не засиживался, предпочитая казённым заботам по-прежнему гульбу да кропание стихов. С Максимовым он виделся редко, зато частёхонько ездил по трактирам да игорным домам с Блудовым.

5

– Пойдём, братец, в компанию, – предложил раз Блудов. – Спознакомлю тебя с прекрасной иностранкой, краше которой ты, небось, никого и не видывал.

– Мне, право, стыдно, – усумнился Державин. – Ведь пересмены платья какой не имею... Вон гляди, – он показал на мундир в штопках и на латаные сапоги, – перекропки ношу да в отопках хожу...

– Ничего, братец! Во всяком платье ты пригож! Всё тебе личит. Собирайся...

Дом оказался богатый, о двух этажах – с многими развлечениями и играми, как-то: камер-обскуром, ящиком рокамбольной игры, канарейным органом, шашками, домино, гадательными картами и ломберными столами. Навстречу го-

стям, словно с картинки, сошла вниз черноокая красавица, полногрудая, в дорогом жемчужном оgorлии, очень уж откровенно поводя голыми плечами. А как из-за карточных столов поднялся хозяин, то и огорошил Державина возгласом:

– Гаврила! Старых друзей не признаешь?

– Бурсов? Вишь, где свиделись! – искренне обрадовался сержант и тут же увидел за столами ещё одного знакомца – Дмитрия Яковлева Видать, проигрыш давешний состояния его не расстроил.

Красавица меж тем повела Державина знакомиться с прочими гостями и оставила около пары – матери с дочкою, жеманною московской девицей на выданье. Обе они были наряжены со старомодным кокетством в преобширнейшие фишбейны и с убранством на голове, поднимавшимся перпендикулярно более аршина и похожим на оживотворённые башни.

– Ах, читали вы, – залепетала девица, поглядывая на маменьку, – «Приключения маркиза Глаголя»? Вот прелесть одна! Мы даже дворню по именам сего романа переиначили: у нас каретником мосье Жан, а ключницу Хавронью нарекли мадамкой Антуанеттой...

Раздосадованный пустою болтовнёй, Державин неучтиво молчал.

– Но, маменька, почему наши российские кавалеры, – продолжала девица, бросая на сержанта уже злобные взгляды.

ды, – вовсе на маркиза Глаголя непохожи? Ах, Париж, мечта моя! Я, кажется, пешком бы до него добралась, чтобы только с сим благородным кавалером спознакомиться и загадочную его душу понять!..

«Тело моё родилось в России, а дух принадлежит коро-не французской», – вспомнил Державин едкую фразу из ходившей в списках комедии «Бригадир» нового драматурга – господина Фонвизина.

По счастью, появился Бурсов, и сержант поспешил откля-няться:

– Прошу простить, сударыни, меня хозяин ожидает.

Они прошлись, разговаривая, по комнатам, и Державин нашёл, что Бурсов порядочно знаком со словесностью, а ещё более сведущ в литературных сплетнях. Речь шла о знатной слёзной комедии «Лондонский купец, или Приключения Ге-орга Варневаля», а также о питербурхском журнале «Всякая всячина», в коем якобы участвовала сама государыня.

В одной из комнат, в уголку за кустом китайской розы, сержант с немалым удивлением заметил Яковлева. Юноша, зардевшись, пылко говорил что-то – и кому! – прекрасной иностранке, которая в ответ тихо смеялась и перебирала бе-лой ручкой его волосы.

«Скуреха непотребная! – ахнул Державин. – Увенчать го-лову супруга своего нескромным украшением, да ещё в его же дому!» И вдруг уловил меж женою и мужем явные пере-миги.

– Да что же всё это значит? Выходит, ты её обещник тайный? – не удержался он простодушно, но его вопросы сразу же произвели между ними остуду.

Хозяин дал знак жене и молча удалился с ней во внутренние покои.

Найдя Блудова за игрой, сержант просил его тотчас же с ним уехать.

– И, братец, пустое! – благодушно отозвался тот, даже не подымая толстощёкого лица от карт. – Пол-Москвы знает, что красавица сия с ведома и согласия мужа торгует своими прелестями и молодых дворян обирает...

– Так я побегу к Яковлеву и обо всём его предупрежу! – скороговоркою бросил Державин. – Ведь он совсем ещё птенец-опёрыш, только из родительского гнезда вылетел. Бурсов же великое поганство в доме своём развёл!

За объяснением с Яковлевым и застал его хозяин, но подошёл ласково, распространил руки для объятия:

– Ну, Гаврило! Всех ты нас перепудрил! И поделом, коли поверить мог, что я на такие пакости способен. Да я на тебя зла не держу! И вот весь мой сказ: приходи, дружище, ко мне завтра в обед. Я тебе кучу новых виршей покажу и самых наших знаменитых стихотворцев – Сумарокова, Петрова, Майкова... А ты, юнец мокрогубый, – оборотился он к Яковлеву, – слюни-те подбери и на чужих жён не зарься, не то прикажу лакеям бить тебя жестоко...

«Пёс его знает, может, и вправду Блудов спьяну обнос на

него возвёл?» – подумал Державин и сказал:

– Если ты беспритворно говоришь, не присуседиваешься, отчего ж не притить, приду...

Назавтра сержант в довольно весёлом расположении духа подошёл к дому Бурсова и, войдя в него, нашёл первый этаж пустым. А когда поднялся на второй, то увидел хозяйина слегка хмельного, сидящим около расшитых шелками ширм за богатым столом. Неподалёку от него, на кушетке, лежал краснолицый поручик наполевных войск, сжимая в кулаке здоровенную орясину.

– Здравствуй, голубчик Гаврило! Садись, сударка, ино потолкуем по душам, – с притворной томностью в голосе приветствовал его Бурсов. – Как ты меня, однако, вчера знатно отщёлкал!..

«Эхма, брат! – сказал себе Державин. – Попался ты на простоватости своей. Вона как Бурсов тебя обалахтал!»

– Жену мою подстёгой непотребной представил, – продолжал хозяин, чистя ногти батистовым платочком, – а меня гадким обирохою!..

При сих словах зашевелился кто-то за ширмами.

– Неправда, сударь! – отрывисто возразил сержант. – Говорил я тебе вчера только о том, что видал. А видал я, как твоя жена с прапорщиком Яковлевым любезничала, и явно... Ты же небось позлыдарить решил да со мной свести счёты! Теперь-то я вижу, кто ты есть!

– Ах плутяга! – вышел из-за стола Бурсов. – Кто же я? Ну-

кась назови!

Державин уже не мог сдержатъ природной своей горячности и в запалке крикнул:

– Волк, вот ты кто! Только волк овчеобразный!

– Хватить врать! – Бурсов сделал знак лежащему офицеру. – А ну-ка, дружок, дай ему для начала доброго поджиготника!

Ширмы пали, и два мордастых лакея загородили Державину путь к двери.

– Нет, брат, он прав, а ты виноват! – подымаясь с кушетки, спокойно пробасил офицер. – И ежели кто из вас тронет его волосом, то я за него вступлюсь и переломаю вам руки и ноги...

Хозяин и его соумышленники попятились.

Только теперь признал Державин в офицере того самого поручика, которого в трактире едва не обыграли на поддельные шары.

– Пойдём отсель, – басил поручик, поигрывая дубиною, – а сунется кто, так смажу, что окакаетесь...

Но в перетруске сильной никто их удерживать не посмел.

На улице поручик протянул Державину руку:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.